

О Т З Ы В

на диссертацию Кадыровой Кристины Алишеровны
«Джихад: историческая традиция и основные тенденции интерпретации
в XX – начале XXI в.», представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности
07.00.03 – Всеобщая история (Новое и новейшее время)

Диссертация К. А. Кадыровой посвящена исследованию многогранного комплекса вопросов, связанных со спецификой одной из важнейших категорий исламского вероучения – понятия «джихад». Проблема функционирования и восприятия этой категории в исламе не впервые ставится в отечественном и зарубежном востоковедении. Уже многие годы противоречивое и разностороннее содержание феномена джихада является объектом пристального внимания исследователей истории, религии, культуры, общественной мысли стран Азии и Африки, а в последние годы – также Европы и Америки. Более того, истоки и идейно-политические обоснования концепции джихада в той или иной мере подвергались анализу в работах отечественных и зарубежных ученых – историков-востоковедов, африканистов и религиоведов общего профиля.

Тем не менее, проблематика данной работы представляется необычайно актуальной. Уже в течение полутора веков концепции и идеи джихада неразрывно связаны с практикой антиколониальной и национально-освободительной борьбы в исламском ареале. После крушения биполярного мира в 90-х годах XX в. исламские страны вступили в полосу все большей социальной, межконфессиональной и межэтнической напряженности. Она все в большей степени проникает и в общественную жизнь Европы, России, Южной и Юго-Восточной Азии, где мусульмане составляют немалый процент населения. Эксперты уже несколько десятилетий правомерно говорят об «исламской дуге нестабильности», охватывающей Ближний Восток, Северную Африку, регион Сахеля, Иран, Афганистан, Пакистан, государства Южного Кавказа и Центральной Азии. Если задуматься над причинами этой нестабильности, то становится ясным постепенное размывание столь привлекательных в середине XX в. ценностей и харак-

терных черт пост-колониальной светской государственности в исламском мире. Думается, что здесь во многом таятся корни событий «арабской весны» 2011–2012 гг., глубокой дезинтеграции современных Ирака и Ливии, жестокости войн и этнорелигиозных чисток в Алжире, Сирии или Судане. Наконец, складывающаяся у нас на глазах новая схема международных сдержек и противовесов во многом основана на противостоянии мирового сообщества глобальной угрозе терроризма. Увы, эта террористическая опасность сегодня отчетливо ассоциируется в мире с экстремизмом и криминальными акциями тех мусульманских структур, которые под флагом джихада на деле стремятся к региональному и даже (в перспективе) мировому политическому господству.

Ясно, что концепции, сложившиеся вокруг категории джихада, невозможно предметно осмыслить без понимания той историко-культурной среды, в которой зародился и развивался ислам. В этом плане можно только приветствовать проведенный К. А. Кадыровой многопрофильный и детальный анализ раннего этапа истолкования понятия «джихад», предпринятый в первых двух главах ее диссертации (с. 24–93). Читателю предлагаются различные исторические срезы средневековой исламской мысли – от четырех имамов-основателей мазхабов (Малика, Абу Ханифы, аш-Шафи‘и и Ибн Ханбала) и их учеников до Абу Юсуфа аль-Куфи, Ахмада аль-Кудури, Абу-ль-Хасана аль-Маварди, лидеров низаритов-ассасинов, вождей мусульманского сопротивления Крестовым походам, или ваххабитов. Все эти экскурсы позволяют вполне ясно представить роль и степень влияния религии на политику в традиционном мусульманском мире.

Впрочем, речь здесь, как представляется, должна идти не только о собственно исламском ареале. Являясь конкретно-историческим исследованием, диссертация К. А. Кадыровой расширяет наши подступы к рассмотрению ряда теоретических проблем, актуальных для многих афро-азиатских стран, а также для России. Среди них – вопросы создания и разрушения государственности, возникающей на религиозной основе, стратегия и тактика политической борьбы в условиях неоднородного в этноконфессиональном отношении общества, сочетание традиции и новации в деятельности секуляристских и религиозных общественных структур. Наконец, объективно-критическая оценка концепции джихада

в мусульманской истории позволит научному сообществу более уверенно прогнозировать как пути и направления дальнейшей эволюции арабо-исламских обществ, так и позиции действующих в них политических сил.

Научная и практическая значимость диссертации К. А. Кадыровой рельефно проявляется на фоне возрастания роли ислама в российской общественной жизни и все большей необходимости широкого межрелигиозного диалога в нашей стране. Думается, что констатации и выводы автора по проблеме джихада привлекут внимание не только историков-востоковедов и африканистов. Ведь многие из освещаемых в исследовании конфессиональных и мировоззренческих сюжетов прошлого сохраняют политическую заостренность в наши дни. Поэтому они могут вызвать живой интерес у политологов и культурологов широкого профиля, а также у практических специалистов, работающих над ключевыми вопросами идеологии, дипломатии и обеспечения безопасности России. Наконец, материалы диссертации К. А. Кадыровой могут послужить отправной точкой для компаративных изысканий по истории этнических и конфессиональных конфликтов в мусульманском мире. Кроме того, фактология и аналитическая часть данной работы могут значительно обогатить лекционные курсы по всеобщей истории, истории арабо-мусульманского мира, религиоведению и истории общественной мысли для студентов востоковедных вузов.

Касаясь научной новизны диссертации, следует отметить, что в ней принята неординарная попытка комплексного, связного и многоэтапного исследования понятия «джихад» на протяжении длительного исторического периода. Большим достоинством работы является и то, что будучи историком, автор уделяет внимание юридической стороне концепции джихада, предопределявшей характер ее восприятия образованными мусульманами со времен праведных халифов и до нашего времени. Однако новизна работы связана не только с ее комплексным характером. Она также состоит в том, что К. А. Кадырова подвергла анализу непростые и противоречивые процессы переоценки и реинтерпретации джихада мусульманскими идеологами и практиками XX в. При этом наряду с широко известными и изученными в востоковедении фигурами (Сайид Кутб, Абу-ль-А'ла аль-Маудуди, Рухолла Хомейни), автор обратилась к воззрениям и

подходам наиболее одаренных и противоречивых мусульманских мыслителей дня сегодняшнего, являющихся нашими современниками – Абдаллаха Аззама, Юсуфа аль-Кардави и Тарика Рамадана. Сочинения А. Аззама на арабском языке, которые К. А. Кадырова вводит в научный оборот, только начинают систематически изучаться в качестве источников по трактовке джихада, и, таким образом, в этой сфере у диссертанта возникает научный приоритет.

Оценивая источниковую и историографическую базу диссертационной работы, следует отметить ее обширность и содержательность. Исследование длительного периода развития идеологии джихада потребовало от К. А. Кадыровой привлечения разнообразных по своему характеру и времени создания источников. Среди них богословские и юридические трактаты средних веков и нового времени, труды исламских мыслителей XX – начала XXI в., священные тексты исламского вероучения – Коран и Сунна, а также, как выразилась автор, официальные источники наподобие «пакта Омара». Касаясь сюжетов, ранее рассмотренных отечественными и зарубежными историками-арабистами, иранистами и исламоведами, диссертант пошла по пути привнесения в исследование нового фактологического материала и углубления оценочных характеристик. К. А. Кадырова, руководствуясь принципами научной этики, максимально учла результаты научных изысканий своих советских и российских коллег, разрабатывавших проблематику джихада. В то же время в исследовании привлечен и обработан внушительный объем разработок зарубежных востоковедов – религиоведов, историков и политологов. Автором во вполне достаточной степени выявлены как общие и специфические черты, так и степень ангажированности арабской и западной историографии по исследуемому кругу проблем.

Все перечисленное позволяет говорить об одном из достоинств представленной к защите диссертации – ее фундированности и научной достоверности. Диссертацию К. А. Кадыровой отличает убедительный уровень владения конкретно-историческим материалом и сочетание частных приемов анализа источников с широкими обобщениями. Поэтому, как представляется, ее работа обогащает не только специальные области исторической науки – арабистику и иранистику, но и вооружает фактическим материалом ученых, занимающихся тео-

ретическими проблемами исламоведения, и в целом религиоведения, истории общественной мысли, конфликтологии и политической психологии.

Среди основных достоинств рецензируемой диссертации нужно отметить успешный контент-анализ текста о джихаде из наиболее цитируемого и популярного сочинения Сайида Кутба «Вехи на пути» (с. 100–111). Автор верно проводит связь между многими парами понятий, так или иначе относящимися к феномену джихада, и приходит к любопытным и надежно аргументированным выводам. Думается, что дальнейшее развитие исследований К. А. Кадыровой может и должно основываться на применении этого ценного количественного метода к другим источниковым текстам разных эпох. Также привлекает внимание рассмотрение К. А. Кадыровой шиитских воззрений на джихад (с. 137–147). Этот сюжет в большей степени, чем предыдущие изыскания автора, опирается на достижения историографии. Тем не менее своеобразие шиитских концепций джихада достаточно глубоко выявлено диссертантом. А ведь отличия шиитских трактовок джихада от суннитских существенны – взять хотя бы восприятие понятия «шахада» как одного из столпов веры у А. Шариати или мысль Р. Хомейни о «народе-муджахиде». Да и их обзор актуален в современную эпоху, когда вековое шиитско-суннитское противостояние вновь обострилось.

В целом диссертация К. А. Кадыровой читается с неослабевающим интересом. Думается, что соискатель продемонстрировала не только убедительный уровень общеисторической и религиоведческой подготовки, но и основательные знания в области культурологии и политологии, свободное оперирование религиозными и философскими категориями. Все эти качества представляются существенными в удачном выполнении диссертационной работы, поскольку ее проблематика нередко выходит за рамки чисто исторического исследования.

Оценивая достоинства рецензируемой диссертации, вместе с тем необходимо высказать и ряд критических соображений, относящихся к ее недостаткам.

К числу недочетов, характерных для исследования в целом, следует отнести то обстоятельство, что соискатель при изложении тех или иных подходов и теорий непоследовательно относится к привлечению источников и исследовательской литературы. Так, не вполне понятно отсутствие в источниковой базе

трудов видного современного богослова и общественного деятеля Юсуфа аль-Кардави, тем более, что его творчество стало одним из предметов исследовательского интереса диссертанта. Ссылка на то, что в распоряжении автора не оказалось его работ (с. 18) вызывает некоторое недоумение с учетом того, что многие тексты аль-Кардави еще в бытность его председателем Европейского совета по фетвам и исследованиям были размещены в интернете – как на арабском языке, так и в переводах на европейские языки. В другом случае – при подробном и нюансированном обзоре наследия выдающегося мыслителя Абу-ль-А‘ла аль-Маудуди (с. 112–128) К. А. Кадырова обошла вниманием существенное противопоставление у аль-Маудуди понятий «всевластие Божие» (*хакимийат Аллах*) и «всевластие человеческое» (*хакимийат инсан*). А между тем эта антиномическая пара употребляется аль-Маудуди (например, в его труде «Аль-хукума аль-исламийа») в контексте разъяснения сущности джихада.

В порядке частного замечания хотелось бы отметить, что в своем исследовании диссертант могла бы использовать полезный источник – развитую в исламе экзегетику. Возможно, при дальнейшем изучении темы будет правильным привлечь как суннитские, так и шиитские комментарии Корана (*тафсиры*), созданные в разных веках и в разных странах. Их будет любопытно исследовать на предмет трактовки аятов, репрезентативных по части джихада. Тем более, что эти аяты отлично известны диссертанту и многократно ею цитируются. Наконец, ценным источником по вопросам джихада были бы работы современных магрибинских авторов – труды французского философа алжирского происхождения Мухаммада Аркуна, марокканского историка Абдаллаха аль-Арви (Ларуи) и его соотечественника – философа и публициста Мухаммада аль-Джабри.

К сожалению, судя по списку библиографии и справочно-ссылочному аппарату, мимо внимания диссертанта прошло несколько недавних достижений отечественной и зарубежной историографии. В частности, речь должна идти о крупной методологической статье В. В. Наумкина «Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов», вышедшей в журнале «Восток» в 2006 и в отдельном издании 2008 г. А ведь в этом труде большой раздел посвящен феномену джихадизма и его рефлексии в исламоведении. Другой пример: диссер-

тант успешно использовала коллективную монографию «Исламские радикальные движения на политической карте современного мира», изданную в 2015 г. Институтом Африки РАН, но не ссылается на вышедшую в том же году коллективную монографию Института востоковедения РАН «Конфликты и войны XXI века: Ближний Восток и Северная Африка». А ведь в этом труде уделено значительное место теории и практике исламского радикализма, а также причинам архаизации общественной жизни в мусульманском ареале. Слабо представлены в диссертации современные общетеоретические работы по сущности феномена насилия. Диссертант, разумеется, права в том, что насилие – далеко не единственная сторона явления джихада. Тем не менее немалую пользу в раскрытии темы ей могли бы оказать аргументы и выводы Ч. Тилли, Э. Лоуренса, Р. Коллинза, С. Каливаса, размышлявших о психологии коллективного насилия, вовлеченности государства и частных лиц в этнорелигиозные конфликты, логике скатывания общества к гражданской войне и других подобных сюжетах.

Оправданно фокусируя свое внимание на категориях и понятиях, относящихся к джихаду, К. А. Кадырова местами допускает неточности в раскрытии общих исламоведческих терминов. Например, в диссертации встречается выражение «ересь» в применении к исламу (с. 20), что неуместно в силу отсутствия в исламе церковных институтов и аналогов вселенских соборов. Не всегда корректно употребление диссертантом понятия «исламистский». Например, на с. 94 речь явно идет об исламском, но не исламистском теоретическом наследии. Довольно односторонне автор подходит к салафизму как к борьбе против всех и всяких новшеств (с. 96). Однако салафитами себя именовали и реформаторы ислама XIX в. – Джамаль ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад Абдо, Рашид Рида и др., в силу чего это понятие может ассоциироваться как с крайним консерватизмом, так и либерально-инновационным восприятием исламского вероучения. В диссертации эта двойственность понятия «салафийа», к сожалению, незаметна.

Некорректно утверждение К. А. Кадыровой о том, что идеолог исламской революции в Иране Али Шариати вводит понятие «умматан васатан» в значении «справедливое и гармоничное общество» (с. 141). На деле этот термин является частью суры 2 «Корова», аята 143: *Ва казалик джа'алнакум умматан ва-*

сатан ли такунуу шухада' ала-н-нас (Мы создали вас общиною срединною, чтобы вы были свидетелями о людях). Так что речь здесь может идти только о трактовке коранического текста, но никак не о введении нового понятия.

В завершение критического аспекта отзыва следует указать на ряд замечаний по тексту диссертационной работы. Так, вызывает недоумение тот факт, что в библиографии автор вводит в разряд источников справочные издания «Ислам: словарь атеиста», «Ислам: энциклопедический словарь», «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона» и словарь-справочник «Средневековый мир в терминах, именах и названиях». Это не вполне уместно, поскольку справочные труды обычно даются в библиографии как часть исследовательской литературы. Кстати, подобным образом (и совершенно правильно) автор поступила в отношении «Исламского энциклопедического словаря» А. Али-заде.

Кириллическая транслитерация арабских имен и терминов выполнена в диссертации не везде последовательно и системно. Временами она соответствует строгим научным требованиям, а в других случаях термины и имена приводятся в вольной транслитерации, специально не оговоренной во введении. Так, факихи становятся «фикихами», вазирьы – «визирьями», Сейид Кутб именуется Саидом Кутбом, хотя Са'ид – это совсем другое арабское имя, происходящее от другого корня. Имам аш-Шафи' и почему-то назван в диссертации «аш-Шафий», а Таки-д-Дин ан-Набхани становится «Такиюддином». Не всегда верно сформулированы арабские термины. Например, на страницах первых глав диссертации встречаются «асхабы» и «ансары». Между тем формы множественного числа русского языка здесь явно избыточны, поскольку арабские слова «асхаб» и «ансар» уже являются множественным числом от понятий «сахиб» и «насир».

Впрочем, эти частные несовершенства текста относятся в первую очередь к форме изложения, а не содержанию самого исследования. К тому же они легко устранимы в процессе последующего редактирования. Содержательные же недостатки, отмеченные выше, существенно не влияют на общее положительное впечатление от диссертации. Они нисколько не умаляют достоинств и научной значимости серьезной и многоплановой работы, проделанной соискателем.

Диссертационному исследованию К. А. Кадыровой присуща чрезвычайная актуальность и значительная практическая ценность. Оно отличается, новизной, оригинальностью построения и композиционно-структурной целостностью. Факты, приведенные в исследовании, достоверны, а сделанные диссертантом выводы и оценки – научно состоятельны. К. А. Кадырова опубликовала достаточное количество научных работ, отражающих результаты ее изысканий. Автореферат убедительно и разносторонне отражает основные положения диссертации. В силу этих обстоятельств возможно заключить, что данная работа отвечает требованиям, предъявляемым п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК РФ к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время).

Официальный оппонент:
доцент кафедры истории
стран Ближнего и Среднего Востока
Института стран Азии и Африки
МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор исторических наук

В. В. Орлов

12 января 2016 года

Подпись доц. В. В. Орлова удостоверяю.

Директор Института стран Азии и Африки
МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор исторических наук, профессор

И. И. Абылгазиев